

Е.Б. ДЗАПАРОВА
(Владикавказ)

**ЛИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ДЛЯ ДЕТЕЙ В ПЕРЕВОДЕ
НА ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК
К.Л. ХЕТАГУРОВА: СРАВНИТЕЛЬНО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РАЗНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ**

Проводится сравнительно-сопоставительный анализ произведений детской литературы, переведенных известным осетинским поэтом К.Л. Хетагуровым. Данный вид анализа помог выявить степень семантической эквивалентности в переводе лексических единиц оригинала. На основе разноязычных текстов определяются адекватное отражение формальных особенностей подлинника (ритмической организации стиха), способы воссоздания в переводе прагматического значения переводимого текста, его стилистических особенностей. Выявлены способы адаптации переводчиком исходного текста, приближения оригинала к новой воспринимающей культуре, случаи использования в переводе национальных образов.

Ключевые слова: художественный перевод, исходный текст, переводной текст, единица перевода, эквивалент, адекватность, текст-источник, синтаксическая трансформация, прагматика, национальный колорит.

Вопросы теории и практики художественного перевода как специальной отрасли филологической науки **не раз** рассматривались нами на материале произведений осетинской литературы [5], а переводческая деятельность отдельных писателей **не раз** становилась предметом наших творческих изысканий [4]. Попытаемся рассмотреть некоторые переведенные основоположником осетинской художественной литературы и осетинского литературного языка Коста Левановичем Хетагуровым (1859–1906) произведения для детей, проследим адекватную передачу переводчиком смысловой емкости исходных текстов, их формальных особенностей.

Актуальность предпринятого нами исследования определяется растущим интересом филологической науки к проблемам теории перевода как разновидности межъязыковой и межкультурной коммуникации. Изучение переводческого наследия осетинских авторов расширит наши представления о про-

цессах, происходивших в русской и осетинской литературе, о взаимодействиях национальных культур.

С именем известного поэта [6], прозаика, драматурга, публициста, художника К.Л. Хетагурова связаны первые художественные переводы в осетинской литературе. Произведения А. Пушкина, И. Крылова, А. Майкова – это далеко не полный перечень его переводов на осетинский язык. Общеизвестны переводы К. Хетагурова басен и стихотворений с русского на осетинский язык: «Ворона и лисица» («Халонаэмæрувас»), «Волк и журавль» («Бирагъæмахърихъупп»), «Гуси» («Хъазтæ»), «Петушок» («Уасæг»), «Пойманная птичка» («Цъиуæмæсываллæттæ»), «Летний дождь» («Сæрдъгонкъæвда»), «Два ворона» («Дъууæхалонь») [2, д. 10, л. 3].

К. Хетагуров одним из первых обратился к переводам произведений А.С. Пушкина. Ему принадлежит перевод на осетинский язык стихотворения «Два ворона», которое было не оригинальным произведением поэта, а переложением с французского языка шотландской народной баллады. В своих переводах К. Хетагуров прибегал к некоторой адаптации переводимого текста, старался его приблизить к новой художественной действительности. О переводе осетинским писателем указанного произведения С.З. Габисова пишет следующее: «Перевод до того оригинален, что его можно считать совершенно независимым от пушкинского текста. Коста изменил последние две строки второй строфы и придал тем самым стихотворению национальный колорит» [3]. Необходимо отметить, что у Хетагурова опущены последние две строфы оригинала. При подобном изменении текста-источника, на наш взгляд, речь уже идет о создании нового произведения в новой культурной среде. Говоря об особенностях перевода К. Хетагуровым пушкинского стихотворения, И. Дзахов отмечает: «...это перевод, но скорее это самобытное, своеобразное стихотворение, сделанное на материале иноязычного оригинала. Самобытным его делает метод переводчика, метод национального освоения пушкинских стихов. Может быть, в наше время Коста перевел бы эти стихи по возможности ближе к оригиналу. Но тогда от него, поэта-борца, потребовался именно такой поворот. И не могло быть иначе. Ведь само по себе каждое произведение Коста – это публицистика» [7, д. 386, л. 52].

При переводе стихотворения А.Н. Майкова «Летний дождь» К. Хетагуров не стал менять его текстологическую основу. Сравним тексты.

Оригинал:

*«Золото, золото падает с неба!» –
Дети кричат и бегут за дождем...
Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба! [8, с. 211].*

Перевод:

*Хъаргæнæ: «Хæзнатæнæмхауыуæларвæй!»
Сывæллæттæуайынцкъæвдайыфæдыл...
Фæлæуут, махуртæ! Гъеуыцыхæзнатæй
Æруидздыстæм мах дæр: нæкъутутæдзагæй
Лæудзыстæмæнæуæй, фæлæуутчысыл!
[Там же].*

Как видим, переводчик сохранил содержательную основу стихотворения. Замена некоторых лексических единиц оригинала в переводе (*золото* → *хæзнатæ* (с осет. «ценности», «богатства»), *дети* → *махуртæ* (с осет. «мои солнышки»)) не помешала Хетагурову передать интонационное звучание стиха. В небольшом по объему стихотворении автор использовал и образные единицы языка: *золотистым зерном... душистого хлеба*, отсутствие которых в переводе К. Хетагуров компенсировал таким метафорическим обращением к детям, как *махуртæ*. Обращает на себя внимание рефрен *Фæлæуут, махуртæ!.. фæлæуутчысыл!*, используемый переводчиком для усиления впечатления и для придания строкам некой ритмичности. Не совпадает в разноязычных текстах размер стиха: подлинник написан четырехстопным дактилем, перевод выполнен четырехстопным амфибрахией.

При переводе другого произведения – стихотворения «Пойманная птичка» – К. Хетагуров меняет его заглавие – «Цъиуæмæсывæллæттæ» («Птичка и дети»). Стихотворение датировано 1859 г. и принадлежит известной детской писательнице А.А. Пчельниковой. Авторство стихотворения долгое время ошибочно приписывалось то А.У. Порецкому, то К.Д. Ушинскому, то А. Плещееву. Составители полного собрания сочинений К.Л. Хетагурова (1959 г.) допустили такую же неточность, указывая автором переведенного осетинским писателем оригинального текста стихотворения «Пойманная птичка» А.У. Порецкого.

В переводе К.Л. Хетагуров, учитывая нравоучительный жанр произведения, отразил

сюжет стихотворения, его иносказательную основу. Стихотворение в оригинале построено в форме диалога детей и птички, для которой даже в золотой клетке нет жизни в неволе. Переводной текст, следуя форме и содержанию оригинала, имеет свои отличительные особенности. Для выявления способов перехода текста стихотворения из одной знаковой системы в другую необходимо провести сравнительно-сопоставительный анализ.

Приведем пример первых двух строф:

Дети

*А, попалась, птичка, стой!
Не уйдешь из сети;
Не расстанемся с тобой
Ни за что на свете!*

Птичка

*Ах, зачем, зачем я вам,
Миленькие дети?
Отпустите полетать,
Развяжите сети [Там же].*

Сывæллæттæ

*Гъа! Нырахстдæ, цъиу, фæлæу,
Нал аирвæздзынæ,
Нал ауадздыстæмнырдæу,
Махимæцæрдзынæ!..*

Цъиу

*Циу, цы, циу? Цыкодтон, ау!
Цастыхджынрæдыддæн?
Ауадзутмамæфæлтæу
Райхалутмæбæттæн! [Там же].*

Как видим, общий смысл переводимых отрывков переводчиком сохранен, но для передачи лексических единиц исходного языка К. Хетагуров использует частичные эквивалентные (*не уйдешь – нал аирвæздзынæ; зачем я вам, / Миленькие дети? – цыкодтон, ау! Цастыхджынрæдыддæн?*). В оригинале автор для усиления впечатления использует междометия, восклицательные и вопросительные предложения, адекватное отражение которых мы наблюдаем в переводе. Благозвучное впечатление оставляет попытка воспроизвести повтор в первом стихе второй строфы: *Ах, зачем, зачем я вам – Циу, цы, циу? Цыкодтон, ау!* Фонетическую выразительность строки у К. Хетагурова придает, на наш взгляд, перекличка звуков *ци, цы*, имитирующих пение птички. Перекрестная рифма во второй строфе оригинала выпадает, у Хетагурова она сохранена.

Следующая строфа:

Дети

*Нет, не пустим, птичка, нет!
Оставайся с нами:
Мы дадим тебе конфет,
Чаю с сухарями* [8, с. 199].

Сывæллæттæ

*Нæй, нæй! Матæрс, махмæды
Хъаныцардмыуанцоннау:
Дзулдынтудзыстæммыды,
Аджынцайцымдына* [Там же, с. 198].

В приведенном фрагменте оригинала мы видим стремление К.Л. Хетагурова приблизить переводимый текст к новой воспринимающей культуре. Но использование национальных образов (*хъан*) и изменение некоторых деталей подлинника (*конфеты – мед; чай с сухарями – сладкий чай*) все же сохраняют целостность художественного восприятия переводного текста и не изменяют содержание исходного. *Хъан* – «воспитанник»; термин, связан с обычаем аталычества, т. е. временной отдачи ребенка на воспитание в чужую семью [1, с. 262]. Аталычество было распространено у осетин преимущественно в XIX в. Ребенок (обычно мальчик) после своего рождения передавался на воспитание в чужую семью. Воспитуемым мог стать кровник в знак примирения двух враждующих фамилий. На воспитание брались также дети из соседних республик. При первом кормлении новорожденного прикладывали к правой груди «новой» матери (правая сторона у осетин считалась священной). Обычно ребенок воспитывался у аемцага-воспитателя вплоть до совершеннолетия. За это время семья должна была воспитывать его как родного сына (дочь). По истечении срока ребенок возвращался в родную семью. Обе стороны устраивали застолья, одаривали друг друга подарками. Переводчик сохраняет в первой строке оригинала повтор частицы *нет* (*Нет, не пустим, птичка, нет!* – *Нæй, нæй! Матæрс, махмæды...*), но употребляет его в ином контексте.

Птичка

*Ах, конфет я не клюю,
Не люблю я чаю:
В поле мошек я ловлю,
Зернышки собираю...* [8, с. 199].

Цъу

*Хъаныцардмыуанцоннау!
Æзуæцайнауарзын,
Уидзынбыдыртымæнау,
Къогъотæдзыахсын* [Там же, с. 198].

В указанной строфе осетиноязычного текста мы видим замену первой строки оригинала: *Ах, конфет я не клюю...* – *Хъаныцардмыуанцоннау!* (с осет. «Жизнь аталыка мне в тягость»). При переводе третьей строки Хетагуров прибегает к изменению ее синтаксической структуры. Используя подобный тип переводческой трансформации, переводчик опускает в предложении подлежащее (личное местоимение «я» – «æз»): *В поле мошек я ловлю...* – *Уидзынбыдыртымæнау...* Однако и здесь при переводе указанной строфы Хетагуров находит созвучные пары для сохранения соответствующей оригиналу рифмовки.

Следующая строфа в оригинале и в переводе К.Л. Хетагурова:

Дети

*Там замерзнешь ты зимой
Где-нибудь на ветке;
А у нас-то в золотой
Будешь жить ты клетке!* [Там же, с. 201].

Сывæллæттæ

*Уазал у зымæгæддæ,
Махаудынхæдзарнаей!
Амдæкъалатицæттæ, –
Бафсæддзынахъармæ* [Там же, с. 200].

В приведенной выше строфе К. Хетагуров, как кажется, меняет весь лексико-стилистический строй оригинала, в стихах не совпадают семантические компоненты. В переводе отрывка исчез эпитет *золотая* (*золотая клетка*). Играющий немаловажную роль в понимании общего смысла произведения, он был использован переводчиком в следующей строфе переводного текста.

Безусловно, переводчику русскоязычного текста необходимо было не только донести смысл переводимого художественного текста, но и передать на родном языке его прагматическое значение, подобрать лексико-семантические единицы переводящего языка с такой экспрессивно-стилистической окраской, которые могли бы в полной мере приблизить произведение к мировосприятию юного читателя.

Приведем пример отрывка из стихотворения:

Птичка

*Верю, детки: но для нас
Вредны ваши ласки:
С них закрыла бы как раз
Я навеки глазки* [Там же, с. 201].

Цъиу

*Нæй, махуртæ, нæйгæнæн!
Уарзутмæ, уыйхатын,
Фæлæтынгзын у мæнæн
Ахæстонибадын...* [8, с. 200].

Обращает на себя внимание нахождение в переводящем языке аналога лексемы *детки*. Отсутствие уменьшительно-ласкательных суффиксов в осетинском языке вынуждает переводчика прибегнуть к смысловой замене: *детки* – *махуртæ* (с осет. «мои солнышки»). Использование функционально-равнозначной замены, наиболее подходящей по контексту, позволило Хетагурову передать семантику переводимого отрывка.

Последние две строки в переводе, как видится, несколько поменяли свойственные им в оригинале значения: *С них закрыла бы как раз / Я навеки глазки – Фæлæтынгзын у мæнæн / Ахæстонибадын...* (букв. с осет. «Но очень трудно мне / Сидеть в заточении»). Однако в подобном изменении содержания последних двух стихов строфы вряд ли можно упрекнуть К.Л. Хетагурова. В переводе, как нам кажется, речь идет не об умышленном изменении оригинала, а о стилистической обработке переводного текста, учитывая возрастные особенности читательской аудитории.

Последняя строфа стихотворения:

Дети

*Правда, правда, птичка! ты
Не снесешь неволи...
Ну, так бог с тобой – лети
И живи на воле!* [Там же, с. 201].

Сывæллæттæ

*Ох-хай-гъе! Уæдæдæмæст
Махæн у хъуыдыйаг, –
Атæх, цу! Дæфæндагæст!
Цæрдæхифæндийаг!..* [Там же, с. 200].

Первые два стиха в переводе не характеризуются, как кажется, смысловой близостью к оригиналу (*Правда, правда, птичка! ты / Не снесешь неволи... – Ох-хай-гъе! Уæдæдæмæст / Махæн у хъуыдыйаг* (с осет. «Эх! Тогда твое горе / Нам на размышление»)). Но произведенная переводчиком К.Л. Хетагуровым лексико-семантическая замена обеспечивает смысловую цельность переводного текста.

Одним из доминирующих этапов в процессе перевода художественного текста по праву считается передача его эмоциональной окрашенности. В рассматриваемом отрывке ори-

гинала автор использует повтор, придающий ему возвышенную интонацию (*Правда, правда, птичка! ты...*). В переводе здесь К. Хетагуров использует междометие *ох-хай-гъе!*, придающее выражению оттенок сожаления. Однако эмоции, выражающиеся через данную единицу речевой коммуникации, соответствуют общей тональности всего переводного художественного текста.

Таким образом, проведенный сравнительно-сопоставительный анализ эквивалентности переводных текстов показал, что изменения содержательной основы исходных текстов вызваны не произволом К.Л. Хетагурова-переводчика, а национально-культурными особенностями той читательской аудитории, для которой и были созданы переводные произведения.

Список литературы

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. М.: Виком, 1996. Т. 2.
2. Бритаев С.А. Переводная литература на осетинский язык до Великой Октябрьской социалистической революции // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 44. Оп. 1. Д. 14.
3. Габисова С.З. А.С. Пушкин и К.Л. Хетагуров. URL: <http://www.ossethnos.ru/philology/aspushkin...klhetagurov.html> (дата обращения: 20.03.2016).
4. Дзапарова Е.Б. Использование лексических трансформаций как способ достижения адекватности художественного текста // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2013. № 9 (84). С. 94–98.
5. Дзапарова Е.Б. Художественный перевод в осетинской литературе: проблема адекватности переводных текстов. Владикавказ: СОИГСИ, 2014.
6. Дзапарова Е.Б. Эквивалентность лексических единиц оригинала в вариантах перевода А. Ахматовой поэмы К. Хетагурова «Чидæ?» («Кто ты?») // Коста и мировой историко-культурный процесс: сб. материалов Междунар. конф., посвящ. 155-летию со дня рожд. К.Л. Хетагурова. Владикавказ, 2014. С. 96–115.
7. Дзахов И. Некоторые итоги опыта переводов «Осетинской лиры» К. Хетагурова на русский язык // НА СОИГСИ Ф.К. Хетагурова. Оп. 2. Д. 386.
8. Хетагуров К.Л. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Акад. наук СССР, 1959. Т. 1.

* * *

1. Abaev V.I. Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka: v 4 t. M.: Vikom, 1996. T. 2.

2. Britaev S.A. Perevodnaja literatura na osetinskij jazyk do Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii // Nauchnyj arhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij (NA SOIGSI). F. 44. Op. 1. D. 14.

3. Gabisova S.Z. A.S. Pushkin i K.L. Hetagurov. URL: <http://www.ossethnos.ru/philology...aspushkin...klhetagurov.html> (data obrashhenija: 20.03.2016).

4. Dzaparova E.B. Ispol'zovanie leksicheskikh transformacij kak sposob dostizhenija adekvatnosti hudozhestvennogo teksta // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. 2013. № 9 (84). S. 94–98.

5. Dzaparova E.B. Hudozhestvennyj perevod v osetinskoj literature: problema adekvatnosti perevodnyh tekstov. Vladikavkaz: SOIGSI, 2014.

6. Dzaparova E.B. Jekvivalentnost' leksicheskikh edinic originala v variantah perevoda A. Ahmatovoj pojemy K. Hetagurova «Chidæ?» («Kto ty?») // Kosta i mirovoj istoriko-kul'turnyj process: sb. materialov Mezhdunar. konf., posvjashh. 155-letiju so dnja rozhd. K.L. Hetagurova. Vladikavkaz, 2014. S. 96–115.

7. Dzahov I. Nekotorye itogi opyta perevodov «Osetinskoj liry» K. Hetagurova na russkij jazyk // NA SOIGSI F.K. Hetagurova. Op. 2. D. 386.

8. Hetagurov K.L. Sobranie sochinenij: v 5 t. M.: Akad. nauk SSSR, 1959. T. 1.

Lyrics for children in the Ossetian translation by K.L. Khetagurov: comparative analysis of texts in different languages

The article represents the comparative analysis of the works of lyrics translated by a famous Ossetian poet K.L. Khetagurov. This analysis helped to reveal the level of semantic equivalency of the original lexical units. On the basis of the texts in the two languages, the authors determine the adequate reflection of formal features of the original (rhythmic organization of the poem), ways to recreate the pragmatic meaning of the translated text, its stylistic features. The article deals with the ways to adapt the original text to the new receiving culture, cases of the use of national images.

Key words: *artistic translation, original text, translated text, translation unit, equivalent, adequacy, source text, syntactic transformation, pragmatics, national features.*

(Статья поступила в редакцию 11.04.2016)

У.У. ГАБИТОВА
(Челябинск)

**ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
«ЧЕЛОВЕК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА
(на материале малой прозы
Л.Е. Улицкой)**

Рассмотрены фразеологические единицы, входящие в поле «человек интеллектуальный», зафиксированные в малой прозе Л.Е. Улицкой. Представлены их типология, особенности употребления единиц и их анализ.

Ключевые слова: *фразеологизм, мысль, человек.*

В статье описаны фразеологические единицы (далее – ФЕ) фразеосемантического поля «человек интеллектуальный». Материалом исследования послужила оригинальная авторская картотека ФЕ, функционирующих в повестях и сборниках рассказов Л.Е. Улицкой. В основе исследования лежит семантико-грамматическая классификация фразеологических единиц А.М. Чепасовой [19].

Во фразеосемантическое поле «человек интеллектуальный» входят единицы, обозначающие и характеризующие различные познавательные процессы, такие как мышление, воображение и память, а также оценку умственной деятельности. Мышление – «процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся обобщенным и опосредствованным отражением действительности» [4]. В философском словаре отмечено, что «умственная, или интеллектуальная, деятельность человека является отражением объективной реальности на основе деятельности по преобразованию последней» [17, с. 493]. В философском энциклопедическом словаре под редакцией А.А. Ивина под мышлением понимается «направленный процесс переработки информации в когнитивной системе живых существ. <...> Благодаря эволюции сознания и появившейся в ходе этой эволюции способности частично изменять самосознание человек получил возможность гораздо более эффективно использовать свой интеллектуальный и мыслительный потенциал, свои природные задатки к творческому мышлению, воображению, к созиданию культуры» [16, с. 533–535].